

Тертуллиан

О зрелищах Тертуллиан

Глава [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [12](#) [13](#) [14](#) [15](#) [16](#) [17](#) [18](#) [19](#) [20](#) [21](#) [22](#) [23](#) [24](#) [25](#)
[26](#) [27](#) [28](#) [29](#) [30](#)

Глава 1

Верные служители Иисуса Христа! Вы, оглашенные, желающие вскоре соединиться с Ним чрез крещение, и вы, христиане, уверовавшие уже в Него и участвующие в Его таинствах! Следуя правилам веры, началам истины и законам благочиния, познайте обязанность свою удаляться от всяких зрелищ, равно как и от безумия века сего. Научитесь не грешить ни по неведению, ни из притворства. Сила удовольствия так велика, что при случае привлекает к себе неведущих, а других заставляет изменять собственной своей совести: двойное несчастье, случающееся весьма нередко! Есть люди, которые, соблазнясь лстивыми, но ложными правилами язычников, рассуждают так: нет ничего противного религии в том удовольствии, которое дается для глаз и для слуха, потому что душа от того нисколько не терпит; Бог не может оскорбляться таким увеселением, среди которого человек сохраняет страх и должное почтение к Господу своему. Мечта, возлюбленные мои братья, опасное заблуждение, весьма противное и истиной религии и совершенному повиновению нашему Богу! Сие-то наипаче решился я вам здесь неоспоримо доказать.

Иные думают, что христианин, то есть, человек, долженствующий всегда быть готовым к смерти, устраняется от удовольствий единственно по трусости. Как это? Вот как, говорят они. Как христиане вообще народ подлый и робкий: то они всячески стараются укреплять себя против угроз смерти. Дабы быть в состоянии презирать жизнь, они нечувствительно разрушают связи, наиболее нас к ней привязывающие, и следовательно находят менее забот при конце дней своих и менее труда оставить такую вещь, которую успели уже сделать для себя как бы бесполезною: они таким образом умирают с меньшим -сожалением. Отсюда происходит стоическое постоянство, оказываемое ими во время претерпеваемых ими мучений; но оно есть более действие человеческого благоразумия, нежели истинная покорность повелениям Божиим. Известно, что те из них, которые долгое время наслаждались сими увеселениями, всегда почти изъясляли чрезвычайную трудность умереть за Иисуса Христа. – Пусть так! По крайней мере, такая предусмотрительность была не бесполезна, потому что произвела то удивительное великодушие, которое поставило их превыше всех ужасов смерти.

Глава 2

Вот еще пустой предлог, приводимый множеством людей. Бог, говорят они, сотворил все вещи в мир и отдал их в дар человеку (тоже и мы признаем). А как все вещи суть благо потому что Зиждитель их существенно благ: то в то число надлежит включить и все то, что принадлежит к зрелищам, каковы суть: цирк, львы, силы телесные и приятности голоса. Нельзя почитать противным воле Божией того, что Сам Он сотворил. Стало быть, служители Божии не должны убегать того, чего Господь их не ненавидит. Таким образом, нельзя утверждать, чтобы Господь осуждал амфитеатры, потому что Им сотворены и камни и цементы и мрамор и колонны. Вообще игры и зрелища происходят в виду неба, сотворенного также Богом. – О невежество человеческое! Сколько суетных причин изобретаешь ты, а особливо когда дело идет о потере какого-либо удовольствия!

Действительно многие удаляются от христианской религии более из опасения лишиться увеселений, нежели из страха лишиться жизни. Сколько бы кто ни был безумен, но он имеет довольно мужества, чтобы не бояться смерти, почитая ее как бы данью природе; но в отношении к удовольствиям, прелесть их так сильна, что и мудрейшие люди поражаются ими столько же как глупцы, потому что удовольствия составляют приятнейшее очарование жизни для тех и для других.

Никто не отрицает (потому что нельзя не знать того, что открывает нам естественный свет), никто, говорю, не отрицает, чтобы Бог не был творцом всех вещей. Нельзя также не согласиться, что все вещи сами по себе суть благо, и что они определены для услуг человеку. Но кто познает Бога только посредством естественного света, а не посредством светильника веры, кто взирает на Него издалека, а не вблизи, тот не совершенно Его знает. Он не ведает, на какое собственно употребление должны мы по воле Божией обращать Его творения; а притом не ведает и намерений того непримиримого и невидимого врага, который побуждает нас употреблять дары Божии совсем не так, как Бог хочет. Причина сему невежеству та, что кто несовершенно знает Бога, тот не может отличить воли Его от умыслов Его противника. Почему надлежит не только познавать Того, кто сотворил все вещи, но знать еще и превратное употребление оных. Сим способом ясно можно усмотреть, к чему и на какое употребление обращать их следует. Великое различие находится между тем, что чисто и повреждено: точно такое различие, какое

существует между Творцом и между губителем.

Впрочем, столько дурных дел, строго запрещаемых самими язычниками, не производится ли посредством тех же тварей, которых создал Бог? Хотите ли совершить убийство, вы можете избрать для того или меч или яд или волхование. Но меч, равно как ядовитые травы и злые ангелы, не творения ли Божии? Думаете ли вы, однако ж, что Бог произвел тварей сих на тот конец, чтоб умерщвлять людей? Или лучше сказать, не Сам ли Он произнес смертный приговор против человекоубийства, сказавши: "не убий" (Исх 20.13). Равным образом кто сотворил золото, серебро, медь, слоновую кость, дерево и все другие вещи, из которых делаются идолы, и кто произвел металлы, как не Тот, кто создал и землю? Но, для того ли дал Он им существо, чтобы люди боготворили их вместо Его? Конечно, нет, потому что идолопоклонство есть величайшее оскорбление, оказываемое Богу. Мы не полагаем, чтобы вещи, оскорбляющие Бога, произведены были не от Него; но употребление, делаемое из них для оскорбления Бога, не есть уже творение Божие.

Сам человек, виновник всякого рода злодеяний, не творение ли Божие, и притом не образ ли Божий? За всем тем он употребил во зло и душу свою и тело свое, чтобы возмутиться против своего Творца. Известно, что мы получили глаза не для того, чтобы воспалять в себе похоть, уши не для того, чтобы слышать злые речи, язык не для того, чтобы клеветать, уста не для того, чтоб обжираться, желудок не для невоздержности, руки не для воровства, ноги не для искания преступлений. Равномерно и душа наша не для того соединена с телом, чтобы быть орудием обманов и неправд. Если же правда, что Бог, бесконечно благий, гнушается употреблением во зло творений Его: то из сего очевидно явствует, что все, осуждаемое Им, сотворил Он не для дурной цели, и что вещи, которыми люди пользуются для соделания зла, дурны только по дурному их употреблению. Итак мы, знающие Бога и врага Его, и умеющие отличать Творца от губителя тварей, мы несколько не должны удивляться тому, что диавол успел так изменить человеческий род. Ведая, что сей злой дух имел возможность первого человека, сотворенного по образу Божию, исторгнуть из состояния невинности, мы не должны сомневаться в том, что от него же соvrащены с пути и человек и все то, что человеку даровано от Бога. Он вознегодовал на то, что человек получил власть над тварями, и потому решился похитить из рук его власть сию, дабы воспользоваться ею для соделания человека виновным.

Глава 3

Будучи уверены, как и следует, в сих истинах вопреки ослеплению и ложным понятиям язычников, обратимся теперь к откровениям нашей религии. Некоторые из верующих, люди или слишком простые или слишком затруднительные, хотят быть убежденными авторитетом Священного Писания, чтобы решиться отказаться от зрелищ, сомневаясь в том, должны ли они совершенно устраняться от того, чего Бог не запретил им точными словами Писания. Правда, что мы не находим буквального запрещения не ходить в цирк, в театр, на ристалище, в амфитеатр, подобно как имеем повеление не убивать, не поклоняться идолам, не красть, не прелюбодействовать (Исх 20.1). Но мы встречаем достаточное на сей счет запрещение в начале первого псалма царя Давида: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей» (Пс.1:1). Хотя Пророк тут, по-видимому, говорит собственно о праведнике, не принимавшем участия в совете Иудеев, непрерывно возмущавшихся против Господа своего; но священное Писание включает в себе многие смыслы, а особливо когда нравственный смысл сообразен с буквальным.

Таким образом сии *Давидовы* слова могут прямо относиться к запрещению присутствовать на зрелищах. Да и в самом деле, если он наименовал советом нечестивых небольшое скопище Иудеев: то не более ли приличествует наименование сие бесчисленному на зрелищах собранию язычников? Разве язычники теперь меньшие грешники, меньшие враги Иисуса Христа, нежели каковы были прежде Иудеи? Прочее имеет тоже сходство. В амфитеатре устроены "пути" или проходы, чтобы смотреть на зрелища: "путями» называется множество ступеней, разделяющих народ от патрициев; а места, где роскошно лежат сенаторы, именуются "седалищами".

Итак если можно справедливо сказать с Пророком: горе тому, кто ходит на какой бы то ни было совет нечестивых, кто останавливается на различных путях грешников, и кто сидит на седалище погибели: то мы должны быть удостоверены, что слова надобно разуметь в общем смысле, равно как могут они быть приемлемы и в смысле частном: ибо часто речь относится столько же к частному лицу, сколько и ко всему собранию. Таким образом, когда Бог дает повеления или запрещения Израильтянам: то нет сомнения, что Он дает их и всем людям. Примером тому служат десять заповедей (Исх 20.1). Когда Бог угрожает истреблением Египту и

Эфиопии: то угрозы Его простираются и на все преступные народы (Исх 19.1). Под именем сих двух царств Он понимает весь мир. Равным образом, в отношении к зрелищам, Он дает им имя совета нечестивых: это как бы переход от общего к частному.

Глава 4

Но чтобы кто не подумал, что я забавляюсь тут утонченными софизмами, приступим к главнейшему правилу, запрещающему нам зрелища: оно основано на таинстве крещения. Вступая в крестную купель, мы исповедуем христианскую веру в предписываемых ею изречениях. Вместе с тем, мы торжественно обещаемся отречься сатаны и всех дел его. Где же более диавол господствует со своими сообщниками, как не в идолопоклонстве? Не тут ли престол нечистого духа и седалище злочестия? Я докажу сие пространнее в другом месте. Здесь же если докажу, что все устройство зрелищ основано на идолопоклонстве: то это будет явным знаком, что мы в крещении действительно отрекаемся от зрелищ, из которых идолопоклонство составило как бы жертвоприношение сатане и ангелам его. Вникаем в происхождение всякого зрелища особо каким образом игрища сии введены во вселенной. Рассмотрим потом наименования каждого из них, и наконец их устройство, сопровождаемое множеством суеверий, разные их обстоятельства, какому божеству какое из них посвящено, самые их представления, и кто именно были их учредители. Если бы что из всего сего не относилось к идолам, в таком случае мы готовы сознаться, что это не касается ни идолопоклонства ни сделанного нами при крещении отречения.

Глава 5

Как происхождение игрищ довольно темно и неизвестно большей части братьев наших: то искать его надобно только в истории язычников. Многие из них о сем писали. Вот что они на сей счет повествуют. По сказанию *Тимея* Лидийцы, вышедшие из Азии под предводительством *Тиррена*, принужденного уступить царство брату своему *Лидию*, остановились в Тоскане, и там между прочими суеверными церемониями учредили зрелища под завесою религии римляне, вызвав потом к себе некоторых из сих пришельцев, переняли у них и церемонии сих игрищ и время их празднования, так что в последствии дано зрелищам сим и латинское название «*Ludi*», от слова Лидийцев, их изобретавших. *Варрон* правда производит слово сие от «*ludere*» – играть, шутить, веселиться, подобно как прежде назывались *руперкалиями* игрища, которые молодые люди производили шуточным образом; тем не менее, происхождение сих игрищ и увеселений он приписывает также установлению какого либо праздника, посвящению храма или другому подобному религиозному побуждению.

Но зачем останавливаться нам на розыске имени, когда самая вещь отзывается прямо идолопоклонством? Все игрища имеют название какого-либо языческого божества. *Либериями* именуются праздники, установленные в честь *Либера* или *Бахуса*: сему ложному богу простой народ посвящает свои игрища из благодарности за открытие употребления вина. *Консуалиями* названы игрища, посвященные *Нептуну*, именуемому иначе *Консусом*, *эквириями* те, которые *Ромул* посвятил *Марсу*. Некоторые впрочем, писатели приписывают игрища *консуалии* тому же *Ромулу*, который хотел почтить *Консуса*, как бога доброго совета за внушение ему мысли похитить сабинок, чтоб женить на них своих воинов. Совет подлинно превосходный! Да и теперь не считается ли совет сей у римлян за дело справедливое и дозволенное? Не говорю уже о том, каков он пред очами Божиими: гнушаться им должно уже по тому одному, что он произошел от обмана, от насильства, от жестокости, от сына *Марсова*. Существует еще и поныне в цирке вблизи первых ступеней жертвенник, посвященный богу *Консусу* с надписью: «*Консус* председит в совете, *Марс* на войне, *Лары* в собраниях». Публичные жрецы приносят там жертвы 7-го июля, а великий жрец горы *Квиринальской* с весталками 27 августа. Чрез несколько времени после того *Ромул* установил игрища в честь *Юпитера Феретрейского* на *Тарпейской* горе; от чего и прозваны они *тарпейскими* и

капитолийскими, как повествует *Пизон*. Потом *Нума Помпилий* учредил другие праздники, посвященные *Марсу* и *Ржавчине*; ибо и ржавчина возведена – была в богини. Подобные же учреждения установлены еще *Туллием Гостилием*, *Анком Марцием* и другими Римскими царями. Кто хочет знать, каким идолам посвящены сии различные игрища, тот должен читать *Светона* и других прежде его бывших писателей. Но довольно уже говорили мы об идолопоклонническом происхождении сих преступных и богомерзких игрищ.

Глава 6

К сим свидетельствам древности прибавим свидетельство позднейших времен, столь же ясно открывающее происхождение новых зрелищ из давних им наименований. Наименования сии покажут, каким идолам и какому суеверию посвящены сии разного рода игрища: из них так названные *мегалезийские*, *Аполлониевы*, *Церерины*, *цветоносные*, *латиарские*, каждый год празднуются публично. Другие, менее известные, установлены по случаю или венчания царей или благоденствия республики или суеверных праздников муниципальных городов. К сим своевольным игрищам можно присовокупить еще и те из них, которые частные люди празднуют в честь усопших своих родственников, желая исполнить тем как бы долг своего к ним благоговения: обычай древний, разделяющий игрища на священные и похоронные, из которых первые учреждены в честь местных богов, а другие в память усопших людей. Но какая вам нужда знать, под каким именем и по какому поводу они установлены? Как скоро они посвящены тем же духам, от которых мы отреклись при крещении: то для нас сего довольно. Празднуются ли они в честь богов или в память усопших, тут одно и тоже идолопоклонство, которое должны мы отвергать.

Глава 7

Как происхождение сих различных игрищ одно и то же, и как наименования их, происходя от одинокой причины, также одни и те же: то представление их неизбежно есть несчастный плод породившего их идолопоклонства. Надобно сознаться, что постановка игрищ цирка составляет действительно великолепнейшее зрелище: доказательством тому служит безмерное количество статуй, несметное число картин, блеск и пышность колесниц, носилок, венков и всяких других украшений. Сверх того, сколько церемоний, сколько жертвоприношений предшествует, сопровождает и оканчивает сии игрища! Сколько движется жрецов, приставов, воинов! Свидетели всего того жители сего пышного города, в котором демоны во множестве утвердили кажется навсегда свое жилище. Хотя зрелища сии в провинциях по недостатку средств и менее великолепны; но как и в каком месте они бы ни праздновались, никогда не надобно забывать их происхождения: отсюда происходит вся их тлетворность. Подобно сему ветвь или ручей сохраняют в себе дурные качества, заключающиеся в самом дереве или источнике.

Итак игрища сии, бывают ли пышны или нет, во всяком случае оскорбляют Господа. Какое бы ни было великолепие цирка, хотя бы в нем было и немного статуй; но все это есть идолопоклонство, если бы имело и не более одного идола. Хотя бы в нем возима была одна только колесница; все же это колесница Юпитерова. Какою бы скудостью, какою бы умеренною постановкою ни сопровождалось идолопоклонство, оно слишком явно обнаруживается своим происхождением.

Глава 8

Станем следовать предположенной нами цели. Взглянем на места, где зрелища сии представляются. Цирк в особенности посвящен *Солнцу*. Посреди его воздвигнут ему храм, и лучезарный образ его сияет на вершине храма. Подивитесь сему устройству. Благочестивые сии идолопоклонники вздумали, что не должно помещать под темнотою кроватю божество, которое видят они вседневно блестящим над своею головою. Уверяя, что «Цирцея первая учредила зрелища в честь мощного отца своего Солнца», они мечтают, что она же и цирку дала имя свое. Да и подлинно знаменитая сия волшебница оказала достаточные услуги тем, чья она жрица, я хочу сказать, демонам и их служителям. Посмотрите, сколько идолопоклонств являет одно сие место: сколько украшений в цирке, столько и храмов богохульных. Здесь овалы фигуры: они посвящены *Кастору* и *Поллуксу* со стороны тех, которые безумно верят, что Юпитер, превратясь в лебедя, был отцом сих двух близнецов, и что они вылупились из яйца. Там дельфины, посвященные Нептуну. С другой стороны возвышаются огромные колонны, поддерживающие статуи: колонны или *сессинийские*, так названные по имени богини над посевами, или *мессиенские* от имени богини над жатвою, или *тутелийские* от богини, пекущейся о плодах. Перед сими колоннами стоят три жертвенника, посвященные трем божествам, и именно: *великим*, *могущественным* и *добрым*. Язычники полагают, что божества сии те самые, которые пришли из Самофракии.

Величайший и славный обелиск, по сказанию *Герматела*, посвящен или лучше сказать выставлен на позор Солнцу. Иероглифы, на нем начертанные, как некие таинства, достаточно свидетельствуют, что это не иное что, как суеверие египтян. Сие собрание демонов могло бы исчахнуть без своего праотца; а потому оно и предсидит над огромным бассейном, именуемым *Еврипою*. Консус, как уже я сказал, пребывает скрытым под землю по близости Термов. Тут еще не все: рубежи мурцийские также получили имя свое от идола, потому что богиня *Мурция* почитается язычниками за богиню любви. Почему благочестивые люди сии и не упустили воздвигнуть ей храм на сем месте. – Посмотрите верные ученики Иисуса Христа, каким множеством позорных имен наполнен цирк! Да будет далека от вас религия, в которой предсидят все демоны. Говоря о сих злочестивых местах, мы хорошо поступим, когда постараемся отразить возражения некоторых известных людей. – Как, говорят они, если я пойду

в цирк не во время представлений: то разве должен я бояться, чтобы душа моя не заразилась от того какою-либо скверною? – Места сами по себе не имеют ничего предосудительного. Служитель Божий без всякой опасности может входить не только в те места, где производятся зрелища, но и в самые языческие храмы, когда есть к тому побудительные причины, без всякого однако ж участия в отправлении послуг и прочих принадлежностей сих мест. Впрочем, где и как иначе жить христианам? Улицы, площади, бани, гостиницы, самые дома наши, окружены идолами: сатана и ангелы его заняли весь свет. Но хотя и живем мы в мире, однако ж, не должны оставлять Бога: оставлять же Его значит прилепиться к правилам и удовольствиям мира. Когда вхожу я в Капитолий или в храм Сераписов для того, чтобы там молиться или приносить жертвы: тогда я отрекаюсь от Бога. Когда я иду в цирк или в театр для того именно, чтобы присутствовать на зрелищах: то я изменяю моей религии. Не места сами по себе оскверняют душу нашу, но то, что происходит в сих местах, и что самих их оскверняет, как то мною объяснено. Портят нас вещи поврежденные и испорченные. – Я распространился несколько о том, каким божествам посвящены места сии на тот единственно конец, дабы яснее представить, что вещи, происходящие в них, принадлежат исключительно тем идолам, которым сии места посвящены. Поговорим теперь о том, каким образом представляются игрища в цирке.

Глава 9

Употребление лошадей было сначала весьма простое. Они служили для путешествий и перевозок, и никто не обращал их для дурного употребления. Но когда понадобились они для игрищ: тогда то, что было даром Божиим, подделалось орудием сатаны. По сему-то новое их употребление приписано Кастору и Поллуксу, которым Меркурий дает для сего коней, как повествует *Стезихор*. Есть и другие подобные ристания, посвященные Нептуну, которые от греков получили особое название, известное под словом «всадник». Игрища сии, производимые запряженными конями, столь же неразлучны с идолопоклонством, как и прочие. Колесницы, запряженные четырьмя конями, посвящены солнцу, а запряженные двумя, луне. Впрочем, как говорит поэт:

**«Primus Erichthonius currus et quator ausus
Jungere equos, rapidisque rotis insistere victor»¹.
то есть: Эрихтон первый дерзнул запрячь в
колесницу четырех коней и на быстрых колесах
одержать победу.**

Эрихтон же сей, богомерзкое исчадие распутства Вулкана и Минервы, был не змей, но дьявольское чудовище или воплощенный диавол. Изобретатель колесниц *Трохил* Греческий посвятил первое свое сего рода произведение Юноне. Наконец, если *Ромул* ввел употребление сих колесниц у римлян: то он и сам должен причтен быть к числу прочих идолов, а особливо когда он тоже, что *Квируниги*. Таковы были изобретатели четвероконных колесниц. Чему же удивиться, что участники сих ристаний надели на себя тотчас так сказать и ливрею идолопоклонства? Сначала ливрея сия состояла из двух цветов: из белого, посвященного зиме по причине белизны снега, и из огненного, посвященного лету по причине яркости солнечных лучей. Впоследствии по мере умножения удовольствий и суеверия, изменено и назначение сих двух цветов, и к ним прибавлены еще два. Красный цвет посвящен Марсу, белый зephyрам, зеленый земле или весне, и голубой небу, морю или осени. А как всякое идолопоклонство предано от Бога проклятию: то нет сомнения, что им прокляты и все подобные посвящения различным стихиям мира.

Глава 10

Перейдем к театру. Происхождение его тоже, что и цирка, как уже выше примечено, когда говорено было об игрищах вообще. Постановка театра ни в чем почти не отличается от постановки цирка. На то и на другое зрелище люди являются не иначе, как по выходе из храма, по изобильном употреблении там курений и по орошении жертвенников кровью множества жертв. Входят при звуке флейт и труб, между тем, как две позорные особы, директора похоронных и священных жертв то есть, церемониймейстер и волхвователь, предводительствуют сим общим шествием. Но вот такую театр имеет особенность, и чем отличается от цирка: посмотрим прежде, как постыдно место сие.

Театр есть собственно храм Венерин. Под видом воздаяния чести богине, богомерзкое место сие обоготворено в мире. В старину, когда воздвигался какой-либо новый театр, не удостоенными торжественного посвящения: то цензоры часто повелевали его разрушать во избежание порчи нравов, неминуемо происходящей от соблазнительных на нем представлений. Тут нельзя не заметить мимоходом, как язычники сами себя осуждают собственными приговорами, и как они оправдывают вас, обращающих внимание на соблюдение благочиния. Как бы то ни было, но великий *Помпей*, которого величие не поравнялось только с величием его театра, решившись воздвигнуть великолепное здание для позорных всякого рода мерзостей, и опасаясь справедливых упреков, которые памятник сей мог навлечь на память его, превратил сей театр в священный дом. Таким образом, пригласив весь свет на сие посвящение, он отнял у этого здания звание театра, и дал ему имя храма *Венерина*, в котором, сказал он, прибавили мы некоторые помещения для зрелищ. Сим способом он прикрыл именем храма здание чисто мирское, и посмеялся над благочинием под суетным предлогом религиозности.

Театр посвящен не только богине любви, но и богу вина. Два сии демона распутства и пьянства так тесно соединены между собою, что кажется сделали как бы заговор против добродетели. Чертог Венерин есть вместе и гостиница Бахусова. В старину некоторые игрища театральные назывались «либериями», не только потому, что посвящены были Бахусу, подобно как *дионизии* у греков, но и потому, что Бахус был их учредитель. Оба сии богомерзкие божества председательствуют над действиями театра, так и над самым театром, наблюдая и за гнусностью жестов и за другими развратными телодвижениями, чем наиболее отличаются актеры в

комедии. Сии последние в жалком своем ремесле вменяют себе как бы в славу жертвовать своею совестью Венере и Бахусу, представляя или ужасное распутство или самое грубое сладострастие. Что касается до стихов, музыки, флейт, скрипок: то все сие отзывается всегда Аполлонами, Музами, Минервами, Меркуриями. – Ученики Христовы! Неужели не возгнушаетесь вы предметами, которых изобретатели должны показаться вам столь достойными омерзения? – Прибавим еще несколько слов насчет театральных действий и качеств их учредителей, которых одно уже название отвратительно. Нам известно, что имена сих умерших людей сами по себе ничто, равно как и их кумиры. Знаем мы также и то, что поддельватели или переимщики божества, под заимствованными именами и под новыми образами, не кто иной, как злые духи, то есть, демоны. Следовательно, театральные действия о которых речь идет, посвящены именно тем, которые прикрыли себя именем их изобретателей, а потому и составляют идолопоклонство; ибо учредители их считаются богами. Но я ошибаюсь: мне должно бы сказать, что происхождение сих действий гораздо еще древнее. Сами демоны, предвидя с самого начала, что удовольствие от зрелищ послужит деятельнейшим средством к введению идолопоклонства, внушили людям склонность к изобретению театральных представлений. Да и в самом деле, то, что долженствовало обратиться к их славе, не могло никем иным внушено быть, как ими, и для распространения в мире пагубного сего учения, они должны были употреблять к тому не иных людей, как тех, в обоготворении которых находили свою знаменитость и особенную выгоду.

Глава 11

Держась назначенного нами порядка, побеседуем об игрищах атлетов или борцов. Происхождение их почти такое же, как и предыдущих, и они разделяются также на священные и похоронные, то есть, посвящены или богам или усопшим людям. Посему наименования их равномерно преисполнены идолопоклонства, Игрища *олимпийские* посвящены Юпитеру, как и *капитолийские*, *пофийские* Аполлону; *немейские* Геркулесу; *истмийские* Нептуну; прочие во многом числе людям усопшим. Должно ли удивляться, что постанова сих игрищ осквернена идолопоклонническими знаменами? Свидетельством тому служат злочестивые венки, раздаваемые в награду победителям; присутствие там жрецов; отправление туда судей или послов со стороны правительства; наконец кровь приносимых там в жертву животных. Место, где сражаются атлеты, сообразно также месту цирка или театра. Как в последнем является множество играющих на флейтах, скрипках и других орудиях, посвященных музам, Аполлову и Минерве, так и в игрищах атлетов марциальные скопища, посвященные Марсу, служат для одушевления сражающихся при звуке громких труб. Таким образом, ристалище совершенно походит на цирк, кроме того, что ристалище может еще почесться как бы за храм того идола, в честь которого атлеты празднуют торжественно свои игрища. Наконец, известно, что Кастор и Поллукс Меркурий и Геркулес, суть учредители всякого рода ристаний и бега.

Глава 12

Остается поговорить о самом знаменитом и приятнейшем для римлян зрелище (Амфитеатре). Оно сначала названо «долгом» или «повинностью»: слова однозначные. Древние думали, что сего рода зрелищами они воздают долг свой мертвым, а особливо, когда стали соблюдать более умеренности в своем варварстве. Прежде полагая, что души усопших облегчаются пролитием крови человеческой, они просто при гробах их предавали смерти или несчастных пленников, или непокорных рабов, которых нарочно для сего покупали. Но потом сочтено приличнейшим столь жестокое бесчеловечие прикрыть завесою увеселения; а потому поставлено за правило приучать сих бедняков обращаться с оружием, и владеть им, как ни попало, лишь бы умели друг друга умерщвлять. Приучив их, таким образом, стали приводить их в назначенный день на похороны, дабы они как бы для забавы зрителей убивали один другого при гробах усопших. Вот происхождение сего «долга» или «повинности». Зрелище сие впоследствии становилось тем приятнее, чем было жесточе. Мало того, что употреблялся меч для истребления людей, к довершению забавы признано нужным подвергать их сверх того ярости свирепых зверей. Умерщвляемые сим способом считались жертвою, приносимою в честь умерших родственников. Но такая жертва не иное что есть, как настоящее идолопоклонство, к которому принадлежит и воздаяние служения мертвым: сии похоронные почести и идолопоклонство составляют одно и то же. А как во гробах и в статуях обитают те же демоны: то тут совершается единственно поклонение демонам.

Показавши происхождение игрищ гладиаторов, рассмотрим особенные их качества. Хотя сего рода зрелища перешли от почестей мертвых к почестям живущим, как то: квесторам, судьям, первосвященникам и жрецам; но надобно сказать, что если звания сии относятся к идолопоклонству (а они действительно к нему относятся): то все, исполняющееся во имя их, должно непременно быть осквернено и искажено, потому что источник их испорчен. Мы должны тоже сказать и о постановке или устройстве сих игрищ. Багряница, шарфы, перевязи, венки, речи, празднества, делаемые накануне: вся сия пышность принадлежит диаволу. Что сказать и как судить о столь ужасном месте, которое еще мерзостнее, нежели самые клятвопреступничества, там совершающиеся явно? Место сие именуется амфитеатром, который посвящен еще

большему числу демонов, нежели самый Капитолий, сей общий храм всех демонов. Там столько же нечистых духов, сколько действующих лиц и зрителей. Марс и Диана председательствуют над занятиями амфитеатра, то есть, над сражениями и охотою.

Глава 13

Я, кажется, достаточно объяснил разные роды идолопоклонства, оскверняющие зрелища. Я показал, что их происхождение, их постановка, их наименования, их места, их представления, не имеют иного источника, как идолопоклонство. Из сего следует, что как мы отrekliсь от идолопоклонства: то нам отнюдь не дозволяется присутствовать при таких делах, которые с идолопоклонством неразлучны, не потому, чтоб идола были что либо, как говорит Апостол, но потому, что жертвы, приносимые идолам, приносятся не иному кому, как демонам, обитающим в сих идолах, «ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, – но у нас один Бог Отец» (1Кор. 8.5–6). А как два рода идолов: одни представляют мертвых людей, а другие мнимых богов, и оба сии рода одна и та же химера: то мы должны равно воздерживаться от того и другого идолопоклонства. Таким образом, мы гнушаемся не менее храмами богов сих как и гробами мертвецов; не приближаемся к жертвенникам одних, не поклоняемся и образам других; не приносим ни жертв первым, ни даров последним; не едим мясо и жертв, посвящаемых тем и другим, потому что не можем участвовать вместе и в тайной вечери Господней и в яствах, изготовляемых для сатаны.

Итак, когда мы совестимся осквернять уста свое ядением злочестивых мяс: то коль паче должны от всякого зрелища, посвященного богам или мертвецам, устранять другие органы наших чувств, еще более для нас драгоценные, должны устранять от них глаза и уши наши, потому что все, входящее в сии органы разрешается или так сказать переваривается не в желудке, а в душе; известно же, что чистота души нашей гораздо приятнее Богу, нежели опрятность нашего тела.

Глава 14

Хотя я доселе ясно показал, что идолопоклонство господствует во всех родах игрищ (чего кажется и довольно, чтобы нам их возненавидеть); но постараемся представить еще новые на сей счет доводы, хотя бы то было только в ответ на возражения некоторых людей, остающихся при том мнении, что в священном Писании не видно положительного закона, запрещающего нам присутствовать на зрелищах, как будто бы зрелища сии не входили в общее для христиан запрещение не предаваться плотской похоти (1Ин 2.15–16). Подобно как бывает похоть к богатствам, к почестям, к обжорству, к удовлетворению плоти, так точно бывает похоть к удовольствиям и увеселениям. Между прочими родами удовольствий нельзя не считать также и зрелищ. Похоти, пред сим упомянутые, в общем смысле заключают в себе и удовольствия: равным образом и удовольствия, приемлемые в общем же значении, простираются на зрелища. Впрочем, мы уже сказали, что оскверняют нас не места, где сии зрелища бывают, но происходящие там вещи, потому что сии последствия, будучи сами по себе позорны, сообщают позор свой и зрителям. – Рассудите сами, любезные братья, дозволяется ли вам участвовать в таком увеселении, которое всюду носит знаки идолопоклонства?

Глава 15

Но как известные умы с трудом могут принять сии истины: то надобно убедить их другими причинами. Бог повелевает вам чтить Святого Духа «со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира» (Еф 4.2–3); напротив же того строго воспрещает оскорблять того же Духа Святого, говоря: «всяка горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула, да возьмется от вас, со всякою злобою» (Еф 4.31). Каким же образом согласить все сие со зрелищами, тревожащими и так сильно возмущающими дух ваш? Где удовольствие, там и страсть, без чего всякое удовольствие неприятно; а где страсть, там и соревнование, без которого всякая страсть неприятна. Соревнование же приносит с собою споры, ссоры, гнев, бешенство, огорчение и все другие подобные страсти, ничего общего не имеющие с обязанностями вашей религии. Положим, что кто либо мог бы присутствовать на зрелище, соблюдая степенность и скромность, приличные его званию, летам или счастливому характеру; но и тут весьма трудно душе пребыть покойною и не почувствовать смятения или тайного какого либо волнения. Нельзя быть ври сих увеселениях, не имея какой либо в себе страсти, и нельзя иметь страсти сей, не почувствовав производимого ею на душу действия. С другой стороны если нет страсти, то нет и удовольствия, и тогда человек остается в печальной бесполезности, находясь там, где нечего ему делать. Вообще всякое суетное и бесполезное деяние кажется неприлично для христиан. Человек сам себя осуждает, поступая за одно с людьми, которым не хочет быть подобен, и которым объявляет себя как бы врагом. Для нас не довольно того, чтобы самим не делать зла: нам не должно иметь и общения с теми, кто его делает. Послушаем, какой упрек на сей счет делает нам пророк: «когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями общаешься» (Пс 49.18). Дал бы Бог совсем не жить нам в сем мире с подобными людьми! Но будучи к тому обязаны прискорбною необходимостью, мы должны по крайней мере устраняться от них в отношении к мирским вещам. Мир, правда, творение Божие; но мирские вещи, творение диавола.

Глава 16

Когда нам запрещено предаваться ярости, то вместе с тем запрещены для нас и всякого рода зрелища, а особенно цирк, где ярость главнейшее господствует. Посмотрите на народ, поспешающий вне себя к тому месту, где происходить будет зрелище, посмотрите на него, в каком находится он смятении, волнении, одурении, выжидая нетерпеливо, кто останется победителем. Что-то претор замешкался. Каждый смотрит пристально на урну. Зрители как бы сами привязаны к жребию. Ожидают в нерешимости объявления претора. Каждый рассказывает свои бредни. Судите о безумии их по их рассказам. Он уже, говорят, послал повязки (для венчания). Каждый пересказывает соседу своему то, что сам сосед видел. Тут очевидное свидетельство их ослепления. Они худо видят то, что полагают хорошо видеть: думают видеть повязку, а это не иное что, как образ диавола, низверженного с неба в ад. Потом начинают горячиться, беситься, ссориться, творить все то, что строго запрещено ученикам Бога мирного. Сколько произносят они проклятий, сколько делают обид ближнему без всякой правды, сколько воздают похвал и одобрений недостойным? Но какой пользы зрители могут ожидать для себя, когда вне себя находятся? Они скорбят о несчастьи других, радуются о счастье других же: все, чего они желают, все, что клянут, до них не касается. Пристрастие их суетно, ненависть несправедлива. Может быть, позволительно бы более было любить без цели, нежели ненавидеть несправедливо. Но Бог запрещает вам ненавидеть кого-либо даже и не без причины, потому самому, что велит любить врагов ваших (Лк 6.27). Он запрещает нам проклинать, хотя бы был к тому и повод, потому что велит благословлять клянущих нас. – Между тем где более буйства и вражды, как не в цирке, в котором не щадят ни сенаторов ни граждан? Если какой либо из буйственных поступков позволителен христианам, то он позволителен им и в цирке; если же всюду запрещен, то запрещен и там.

Глава 17

Равным образом нам повелено отречься от всякого рода нечистоты; стало быть для нас должен быть заперт и театр, который составляет так сказать консистирию бесстыдства, где ничему иному нельзя научиться, как только тому, что повсеместно не одобряется. Величайшая прелесть театра состоит обыкновенно в представлении всякого рода позоров. Позоры сии выводит на сцену или тосканец похабными своими телодвижениями, или комедиант, переодетый в женскую одежду, своими пантомимами посредством гнусных непристойностей, к которым приучил он тело свое с самого детства, дабы подавать другим пример бесчинства. Сверх того известные бесстыдницы, опозоривающие тело свое перед публикою, не бывают ли на театре тем несноснее, что показывая в других местах скардность свою одним мужчинам, тут обнаруживают ее перед другими женщинами, от которых всегда стараются скрываться? Они тут являются перед всем светом, перед людьми всяких лет, звания и достоинства. Публичный крикун провозглашает сих блудниц во услышание тем, которые слишком хорошо их знают. Вот, говорит он, ложа такой-то: чтобы видеть ее, надобно всем пожертвовать, она имеет такие и такие качества... Но перейдем в молчании все подобные гнусности, которые должны бы погребены быть под непроницаемым мраком, дабы не осквернять и света дневного. – О вы, сенаторы, судии, граждане римские! Покройтесь стыдом и поношением. Сии жалкие твари, потерявшие всякую стыдливость, по крайней мере, боятся иногда показывать перед народом бесстыдные свои телодвижения, по крайней мере, краснеют хотя однажды в год. – Итак, если мы имеем в омерзении всякого рода нечистоту: то за чем слушать нам то, чего нельзя говорить без преступления, ведая при том, что Бог осуждает «за всякое праздное слово» (Мф 12.36). Зачем смотреть на то, что запрещено нам делать? Почему вещи, оскверняющие человека языком, не могут осквернять его очами и ушами, тогда как очи и уши суть можно сказать преддверие души вашей? Трудно, чтобы сердце было чисто, когда вход в него поврежден. Таким образом, театр непременно должен быть возбранен, когда нечистота подвержена осуждению.

Глава 18

Если ты скажешь что театральные представления выдуманы для изучения вежливости и науки жить в свете: то я отвечать буду, что нам надлежит презирать сию светскую науку, которая есть безумие пред Богом, и что следственно мы должны гнушаться сими двумя зрелищами, то есть, комедиею и трагедию, в которых выставляются на показ все прелести сей тлетворной науки. Комедия есть так сказать школа нечистоты, а трагедия учит только жестокости, злочестия и варварству. Будьте уверены, что рассказ о постыдном деле столько же болезнен и опасен, как и самое дело. Ты возразишь, что и в Священном Писании упомянуто о "позорище» ([1Кор.9.24](#)). Это правда; но правда и то, что нельзя без срама смотреть на все то, что происходит на позорище, а именно: на кулачный бой, на попиранья ногами, на пощечины и на другие буйства, обезображивающие лице человека, сотворенного по образу Божию. Благоговей к религии, ты не станешь одобрять безумного бега и бешеных схваток, сопровождающих игру в диск, равно как и других телодвижений, одно другого сумасброднейших. Уважая справедливость, ты не будешь выхвалять напряжения телесных сил, служащего единственно к тщеславию того, кто их употребляет, и к унижению того, против кого он их употребляет; еще менее можешь ты восхищаться наукою, выдуманною празднолюбивыми греками, поддельвать или подкрашивать тело свое на манер чучел, как бы для того, чтоб изменить то тело, которое Бог вам даровал. Нет! Люди, занимающиеся подобными ремеслами, заслуживают одно наше омерзение. Вообще борьба есть изобретение сатаны: он начал ее с тех пор, как искусством своим поверг ниц наших прародителей. Движения борцов не иное что, как увертки, похожие на извивания адской змеи. Они цепляются, чтоб остановить противника, нагибаются, чтоб обхватить его, скользят, чтоб от него увернуться. Люди борются и сражаются, скажешь ты, для того только, чтоб иметь удовольствие удостоиться получения венков. Но венки сии для какого употребления могут служить христианам?

Глава 19

Нужно ли после сего говорить о том, осуждается ли священным Писанием Амфитеатр? Если мы можем доказать, что жестокость, свирепство, варварство, нам позволительны: то не о чем и толковать: пойдем в Амфитеатр. Если мы таковы, как о нас говорят: то станем насыщаться кровью человеческою. Ты скажешь, может быть, что злодеи должны быть наказываемы. Кто станет о том спорить, исключая разве самых злодеев? Я согласен на то; но согласитесь же и вы, что доброму человеку нельзя любоваться казнию человека злого: он скорее должен скорбеть о том, что подобный ему человек имел несчастье впасть в преступление, заслуживающее строгого наказания. Впрочем, можно ли ручаться за то, чтоб одни только прямо виновные предавались на растерзание зверям и подвергались другим казням? Не случается ли иногда, что и невинные к тому приговариваются или по злобе судии или по небрежению адвоката или по неправильности судопроизводства? Гораздо лучше не присутствовать при казни злых и при гибели добрых людей, если только сии последние могут именоваться добрыми. Нет сомнения, что из числа гладиаторов есть и невинные люди, приносимые в жертву удовольствию публики. Другие из них приводятся, как виновные. Но как? За легкую, например, кражу приучаются они быть человекоубийцами. – Впрочем, все подробности, мною здесь описанные, должны служить как бы ответом одним язычникам. Сохрани Бог, чтобы христианину нужны были дальнейшие на сей счет сведения для отвержения всякого рода зрелищ. Никто лучше не знает, что происходит в амфитеатре, как тот, кто продолжает посещать его. Что до меня касается, я лучше хочу ни о чем не говорить, нежели приводить иное на память.

Глава 20

Итак не легковерна ли и не жалка ли отговорка людей, желающих вод пустыми предложениями уверить себя, что подобные удовольствия им не запрещены? Когда, говорят они, нет в Священном Писании решительного постановления, осуждающего зрелища: то разве христианин не может на них присутствовать? Недавно слышал я человека, рассуждающего еще следующим образом. Не только солнце, во и Сам Бог с высоты небес смотрят на комедию, на сражения гладиаторов и на другие игры, и от того не получают никакой нечистоты. – Это правда, всякому известно, что солнце лучами своими освещает лужу, и остается не запятанным. Если бы Бог не взирал на наши преступления и позорные дела: то, может быть, не подвергались бы мы тогда и строгости суда Его. Но, увы! Он видит их, Он не может не видеть ваших грабежей, ваших обманов, наших прелюбодейств, ваших неправд, наших идолопоклонств, ваших зрелищ; потому-то мы и не должны на сих последних присутствовать, чтобы не увидел вас Тот, кто все видит. О дерзкий человек! Тебе ли сравнивать виновного с Судиею? Один виновен в том, что преступление его открыто, а другой есть Судия: нет ничего, чего бы Он не мог открыть. Думаешь ли ты, что дозволено предаваться ярости вне цирка, беспутствовать вне театра, бесчинствовать вне позорища, быть жестоким вне амфитеатра, потому что Бог видит все и вне портика и вне лож, и вне ступеней? Не обманывайся: что Бог осуждает, то нигде и никогда не позволительно; что Бог запрещает, то всегда законопротивно. В сем-то и состоит истина и полнота Христианской нравственности соблюдение страха Божия и верность в повиновении, подобающем Богу. Никогда не должно нарушать строгих Его повелений и мечтать о послаблении вечных Его судов. Что само по себе добро, то никогда не может быть злом, равно как что само по себе зло, то никогда не может быть добром. Все измерено и определено истиною, никогда не изменяющеюся.

Глава 21

Язычники, не имеющие сей полноты истины, потому что не хотят познать Виновника и Учителя истины, судят о добре и зле по своим прихотям. Что сегодня кажется им добром, то завтра для них зло; что считают они в одном месте запрещенным, то в другом признают дозволенным. Что ж из того происходит? Вот что. Кто на улице посовестился бы поднять несколько робу, чтоб исправить свою нужду, тот в цирке становится столько бесстыден, что без всякого зазрения перед всем светом обнажает такие части тела, которые наиболее должен бы скрывать. Кто перед дочерью своею не смел бы произнести ни одного неблагопристойного слова, тот сам ведет ее в комедию, чтоб она слышала самые скверные речи, и видела всякого рода неприличные коверканья. Кто за долг себе поставляет украшать буйных людей, тот одобряет атлетов, когда они на позорище друг другу наносят кровавые раны. Кто ужасается, глядя на труп человека, умершего обыкновенною смертью, тот в амфитеатре находит удовольствие пресыщать взоры свои, смотря на тело, которого члены, в куски изорванные, плавают в излившейся из него крови. Кто по обязанности своей должен присутствовать в амфитеатре для наказания человекоубийцы, тот сам ведет туда на убой жалкого раба, подгоняя его палочными ударами. Кто хочет и требует, чтобы каждый убийца предан был на растерзание свирепому льву, тот просит о даровании свободы гладиатору в награду если бы он вышел из сражения победителем; в случае же смерти его, изъявляет о нем чувствительное сожаление и сострадание, хотя сам же был орудием его смерти, и не оказал к нему сначала ни малейшего человеколюбия.

Глава 22

Станем ли мы дивиться непостоянству сих слепых людей, судящих о добре и зле по собственному своеванию? Вот новое тому доказательство. Правители республики, судии и распорядители игрищ, лишают всякого почетного звания подвижников цирка, атлетов, комедиантов, гладиаторов (то есть, тех самых весельчаков, которым знатные римские дамы приносят в жертву свое сердце, а часто и самое тело, вступая с ними в постыдные связи, хотя публично подобные связи и порицают); правители, говорю, предают сего рода людей последнему уничтожению, не допуская их пользоваться никакими нравами и достоинствами ни в судилищах, ни в сенате, ни в преимуществах патрициев, ниже в других каких-либо должностях. Чудное дело! Они объявляют их бесчестными людьми; а между тем охотно присутствуют на их игрищах. Они любят тех, которых наказывают; презирают тех, которых одобряют; хвалят дело, а делателя позорят. Какой странный род суда бесчестить человека за то самое, за что воздается ему честь, или лучше сказать, какое безмолвное сознание злого дела, когда тот, кто его производит, сколько бы ни доставлял удовольствия, предается бесславию!

Глава 23

Если человеческое правосудие осуждает сих несчастных людей, не смотря на забавы, доставляемые ими своим судьям, если и оно исключает их из всякого почетного звания, заточая их часто в ужасные и пустынные места: то во сколько крат строже явится некогда против них правосудие божественное? Думаете ли вы, что Бог может одобрить сего возницу в цирке, возмущающего столько душ, возбуждающего столько исступления, тревожащего столько зрителей? Полагаете ли вы, что он весьма приятен небу, когда, увенчанный цветами подобно языческому жрецу, или облеченный в испещренную ризу подобно гаеру, является стоящим торжественно на колеснице? Смотря на него, не скажете ли вы, что диавол возносит своего Илию на небо, как некогда Бог восхитил туда истинного Илию? Равным образом думаете ли вы, что Богу нравится комедиант, с таким старанием обривший себе бороду, и чрез то обезобразивший дарованное ему лице? Не доволен будучи тем, что сделался видом подобен Сатурну, Бахусу или Изид, он дозволяет дать себе столько пощечин, что как будто сам диавол учит его: «но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф 5.39). Сей соперник Божий знает, что «кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту *хотя* на один локоть?» (Мф 6.27); но учит трагических актеров подыматься на каблуках, как бы издеваясь над сими словами. Полагаете ли вы также, что употребление масок одобряется Богом? Спрашиваю: если запрещены нам всякого рода кумиры и подобию: то не строже ли еще взыщет Он за то, что мы безобразим образ Его? Нет! Виновник истины не может одобрять ничего лживого. Он считает за некоторый род прелюбодеяния все то, что мы изменяем в Его творении. Осуждая всякого рода притворство, помилует ли Он комедианта, поддельвающего свой голос, свой возраст, свой пол, представляющего из себя влюбленного или гневливого человека, проливающего лживые слезы или испускающего ложные вздохи? Когда Господь заповедал в законе Своем: «и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие» (Втор 22.5): то думаете ли вы, что Он не осудит того, кто приемлет не только одежду, но голос, телодвижения и поступь женщин? Считаете ли вы также, что искусный мастер в кулачном бою останется без наказания? Для того ли Создатель дал ему крепкие мышцы; чтоб он подвергал их ударам кистеня? Для того ли получил он уши, чтобы терпеть заушения? Для того ли дарованы ему глаза, чтобы лопаться от досад? Не говорю уже о

тех, которые подталкивают других и заставляют их подойти ближе к льву, дабы показаться не столько жестокими, как зверь, их терзающий?

Глава 24

Нужны ли еще какие доказательства для убеждения истинных служителю Божиим возгнущаться всем тем, что принадлежит к зрелищам, так как все сие противно божественному их Учителю? Если правда, как уже мною замечено, что зрелища установлены в честь диавола, если постановка их есть творение рук того же диавола, так как все, что не от Бога, происходит от диавола же: то из сего явствует неоспоримо, что это суть дела сатаны, от которых мы при крещении совершенно отреклись. Стало быть, того, что мы тогда проклинали, нам не должно уже искать ни нашими деяниями, ни нашими словами, ни нашими взорами, ни нашими пожеланиями. А притом нарушить обещание наше, не тоже ли самое, что сокрушить крещение? Но для вашего еще убеждения спросим самих язычников. Спросим их: позволяется ли христианам присутствовать на зрелищах? Что они отвечать будут? Этот человек, скажут они, без сомнения сделался христианином, потому что отстал от зрелищ, не является уже на них. Из сего вы можете видеть, что кто не лишает себя сего отличительного признака, тот не христианин. Какая же надежда остается сему несчастному? Воин не перебегает ко врагам иначе, как оставя прежнюю свою службу, покинув знамена своего Государя, нарушив верность к нему, поклявшись умереть с теми, кому передается.

Глава 25

Вероятно ли, чтобы христианин беглец действительно помышлял о Боге в такое время и в таком месте, где ничто не напоминает ему присутствия Его? Вероятно ли, чтоб он сохранял спокойствие души там, где пристрастно держит сторону гладиатора? Легко ли держаться правил целомудрия и стыдливости там, где глаза устремлены на позорные телодвижения комедианта? Можно ли где встретить более соблазна, как на зрелищах в блестящих и чрезвычайных украшениях и в толпе сидящих в смешении мужчин и женщин? Смешение чудовищное, подающее тем и другим повод к взаимным разговорам, воспламеняющим искры плотской похоти! Прибавьте к сему, что первая мысль при входе в какое либо зрелище состоит в том, чтобы видеть других и себя показать. Впрочем, при ужасных восклицаниях актера, удобно ли внимать спасительным увещаниям пророка? Удобно ли соединять пение псалмов с женоподобными песнями оперы? Смотри на двух атлетов, окровавливающих друг друга кулачными ударами, удобно ли приводить себе на память сделанное вам запрещение воздавать зло за зло? Можно ли наконец научиться кротости и человеколюбиво, услаждаясь видом людей, терзаемых медведем, или видом двух гладиаторов, сцепившихся один с другим, и обтирающих кровь, из них льющуюся? – Боже милосердый! Избавь служителей Твоих от пожеланий участвовать в столь гибельных увеселениях. О братья любезные! вникните, что мы делаем, переходя из церкви Божией в храм дьявола, из священного места в место злочестивые, из сияния небес так сказать в тину земную. Руки, подъемлемые к Господу, спустя минуту утомляем мы на одобрение шутов; устами, произносившими «аминь» при совершении богослужения, выхваляем мы гладиатора в амфитеатре; в кроме всего сего сметь ли вам кому другому, а не Иисусу Христу Богу вашему, говорить: будь благословен!

Глава 26

Нечему после сего удивляться, что диавол легко овладевает сими неверными христианами. Бог попускал сие неоднократно; доказательством тому может служить трагический пример одной женщины, которая пошедши в комедию, возвратилась оттуда, будучи одержима бесом. Когда нечистый дух был заклят и сброшен, за чем вошел в нее, то он отвечал: я не напрасно овладел ею, я нашел ее у себя. Известно также, что другая женщина видела во сне обезьяну в тот самый день, когда ходила она слышать одного комедианта, и что имя комедианта сего часто повторялось в устах ее с ужасными угрозами: через пять дней ее не было уже в живых. Множество есть других подобных примеров с людьми, лишившимися Господа за то, что имели общение с диаволом, присутствуя на зрелищах; ибо «никто не может служить двум господам» (Мф 6.24). Какое отношение может существовать между светом и тьмою, между жизнью и смертью? Мы должны предавать проклятию сии языческие собрания, как потому что в них хулится имя Божие, так и потому, что там же люди заботятся о предании нас на растерзание львам, советуются о предприятии против нас гонений, избирают лазутчиков для отыскания христиан и для их мучения.

Глава 27

Что ты делать станешь, когда будешь включен в число буйных участников в сих злочестивых советах? Бояться гонения от людей тебе не для чего: никто не сочтет тебя христианином, когда ты присутствуешь на зрелищах. Но помысли о том, что скажет о тебе Господь на небесах; не явится ли оттуда против тебя множество свидетелей? В то время как ты находишься в храме диавола, тысячи ангелов взирают с небес на тебя; они особенно замечают того, кто произносит хулу, кто ее слушает, кто предаёт сатане язык свой и уши свои, чтобы противиться Богу. Не решишься ли ты после сего бежать из сих собраний, бунтующих против Иисуса Христа, оставить сии скопища, исполненные разврата, удалиться от сего воздуха, зараженного гласом несметного множества вопиющих злодеев? Положим, что на сих зрелищах происходят иногда вещи, в самом деле приятные, простые, скромные и даже не бесчестные; во вспомни, что обыкновенно яд смешивается не с желчью и чемерицею, а с сладкими и вкусовыми жидкостями. Так всегда диавол поступает; он кроет смертельный яд свой в яствах, наиболее приятных и лакомых. Следовательно, все то, что в зрелищах покажется тебе великим, вежливым, сладкозвучным, веселым, утонченным, гармоническим, ты должен принимать за мед, отравленный ядом. Обращай внимание не столько на удовольствие уст, сколько на опасность, неминуемо сопряженную с сим удовольствием.

Глава 28

Предоставь клеветам диавола суетное удовольствие пресыщаться яствами, им от него предлагаемыми. Они могут исправно являться на места, назначенные для зрелищ, по приглашению своего патрона. Для вас не наступило еще время празднеств и увеселений. Мы не можем веселиться с язычниками, потому что и они не могут с вами веселиться. Каждому своя доля: они теперь в радости, а мы в печали. Иисус Христос сказал ученикам Своим: «мир возрадуется; вы же печальные будете" (Иов 16.20). Будем вздыхать, доколе язычники радуются, дабы и вам возрадоваться, когда они вздыхать станут. Остережемся теперь веселиться с ними, дабы некогда нам не восплакать, как они восплачут. – О, ученик Христов! Ты слишком изнежен, когда думаешь найти удовольствие в сем мире, или лучше сказать, ты безумен, когда радость мира сего считаешь за истинное удовольствие. Философы имя удовольствия или услаждения приписали спокойствию души, и принимают спокойствие сие за основание своих радостей, своих увеселений и своей славы. Ты же напротив того вздыхаешь о смутах и тревогах цирка, театра, амфитеатра и других позорищ. Смеешь ли ты думать, что нам жить нельзя без удовольствий, нам, долженствующим находить величайшее удовольствие в том, чтобы не жить? Чего нам лучше желать, как не того, чтобы вместе с Апостолом «имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше» (Флп 1.23)? Там должно быть и удовольствие наше, куда стремится наше желание.

Глава 29

Но если ты думаешь, что нельзя проводить жизни сей без какой-либо приятности: то почему ты столько неблагодарен, что не хочешь ни признать ни вкушать различных удовольствий, которые Бог произвел и которые слишком достаточны для удовлетворения твоих желаний? Чего лучше и счастливее, как быть примиренным с Богом Отцом и с Иисусом Христом, Сыном Его! Чего прибыльнее как познать истину, открыть свои заблуждения и получить прощение в содеянных прежде преступлениях? Чего приятнее, как удаляться от приятностей, презирать мир сей, наслаждаться истинною свободою, спокойствием доброго к себе доверия святостью жизни и отсутствием боязни смерти? Какое больше удовольствие, как попирать ногами языческих богов, изгонять бесов, пользоваться дарами чудесных врачеваний и небесных откровений, и наконец жить и быть всегда с Богом? Вот прямые наслаждения христиан, вот безвинные их зрелища, не стоящие им ничего! Сравните с сими святыми зрелищами суетность игрищ цирка, быстрое прохождение всех вещей мира сего, переменчивость и стремительный бег времени, пределы наших усилий. Возьмите лучше сторону христианских обществ, одушевите себя воззрением на небесное знамя, воспрянете при звуке трубного гласа ангела, возжелайте получить славную пальму мученичества. Если вы прельщаетесь поэзией: то у вас довольно других книг, кроме языческих; у вас довольно прекрасных стихов, довольно превосходных поучений, довольно гимнов, довольно музыкальных хоров. Это не грубые басни, но священные истины; не скопище надутых строф, но сокровище чистых и безпритворных изречений нравственности. Нужны ли вам сражения, борьбы, победы: христианство представит вам и их во множестве. Взгляните, как нечистота низлагается целомудрием, коварство побеждается верою, жестокость одолевается милосердием, буйство низвергается смирением: вот сражения, свойственные христианам, сражения, со славою нас венчающая! Хотите ли вы видеть еще и кровь пролитую: у вас есть спасительная кровь Иисуса Христа.

Глава 30

Но в особенности какое будет зрелище, когда все народы земли соберутся вместе, и, скорее чем вообще думают, узрят Господа на облаках торжествующим, исполненным славы и величия, признанным от всех за истинного Сына Божия! Какая в сей день будет радость ангелов, слава святых, награда праведников и велелепие нового Иерусалима, в котором они будут царствовать вечно! Правда, что вместе с тем представится также зрелище совсем другое, я хочу сказать, страшный день суда, день из всех дней последний и первый день вечности; тот день, которого язычники не ожидают, и над которым издеваются; тот день когда столь многие пышные и древние памятники гордости человеческой уничтожатся, и вся земля с жителями своими истребится потоками огня (2Пет 3.10). Какое тогда будет обширное позорище, какое изумление, или, если угодно какой для нас предлог к радости и удовольствию, когда множество знаменитых, неверующих государей, почитавшихся за царей неба и земли, станут тогда наполнять воздух вздохами среди мрачных пропастей ада со своим богом Юпитером и со всеми своими любимцами и приверженцами! Какое внезапное восхищение, когда мы увидим, что столько правителей, столько судей, столько гонителей имени христианского, горят неугасимым огнем, который будет гораздо несноснее огня, пожиравшего мучеников, между тем как сии последние возрадуются и возвеселятся, взирая на их жестокую и вечную казнь! Присовокупите к сему, что множество гордых философов, славившихся именем мудрецов, будут тогда покрыты стыдом и также преданы огню в присутствии несчастных своих учеников, которых сии безумные наставники старались уверить, что в мире нет провидения, что души ваши ничто, что они никогда не соединятся вновь с телом. Наконец прибавьте, сколько поэтов вострепещет от страха и ужаса не веред каким ни будь Миносом или Радамантом, во вред судом Иисуса Христа, о котором они никогда и помыслить не хотели! Тогда-то трагические актеры под бременем своего несчастья будут испускать вопли гораздо плачевнее и громче, нежели какими прежде оглашали театр. Тогда-то шуты и гаеры явятся в настоящем своем виде, изгибаясь от пламени, их пожигающего. Тогда-то надменные возничие цирка будут более и более поражать взоры наши, восседая на огненной колеснице, окруженные отовсюду пламенем. Тогда-то увидим мы многих гладиаторов, пронзенных не острием копья как прежде в их Академиях, но множеством огненных стрел, со всех сторон сыплющихся. Правда однако ж, что я не обращаю тогда внимания

моего столько на сих жалких бедняков, сколько на тех чудовищ бесчеловечия (Иудеев), которые изощряли прежде бешенство свое против Самого Господа.

Вот, скажу я им, тот Сын плотника и бедной матери, тот истребитель суббот, тот Самаритянин, тот одержимый бесом человек; вот тот, кого вам продал изменник Иуда, кто терпел от вас удары и заушения, кого обезобразили вы оплеваниями, кого напоили желчью и уксусом; вот тот, кто будто бы тайно похищен был учениками Своими для уверения других, что Он воскрес! – Чтобы видеть столь величественное зрелище, чтобы доставить вам столь великолепное увеселение: что тут в состоянии сделать какой либо Претор, Консул, Квестор или первосвященник? Вы, может быть, возразите мне на сие, что такое зрелище далеко еще от нас. Нет, братия мои. Вера делает вам его близким, и мы можем вообразать его как бы уже происходящим пред нашими глазами. Впрочем, какие тогда должны для вас быть те радости и утешения, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». (1Кор 2.9)? Поверьте, что они бесконечно превосходят все мнимые удовольствия Цирка, Театра, Амфитеатра и всех других позорищ, какие суэта ни изобрела для зрелищ.

Примечания

¹ - Virg. Georg. Liv. III, v. 113 et 114.

Содержание

Тертуллиан О зрелищах Тертуллиан	1
Глава 1	2
Глава 2	3
Глава 3	5
Глава 4	7
Глава 5	8
Глава 6	10
Глава 7	11
Глава 8	12
Глава 9	14
«Primus Erichthonius currus et quator ausus Jungere equos, rapidisque rotis insistere victor»1. то есть: Эрихтон первый дерзнул запрячь в колесницу четырех коней и на быстрых колесах одержать победу.	14
Глава 10	15
Глава 11	17
Глава 12	18
Глава 13	20
Глава 14	21
Глава 15	22
Глава 16	23
Глава 17	24
Глава 18	25
Глава 19	26
Глава 20	27
Глава 21	28
Глава 22	29
Глава 23	30
Глава 24	32
Глава 25	33
Глава 26	34
Глава 27	35
Глава 28	36
Глава 29	37
Глава 30	38

